

УДК 94(47)

А.А. Андреев¹

Хивинское подданство в начале XVIII в.

Хивинское ханство; посольства; приказ Казанского дворца; Посольский приказ.

¹ Андреев Артем Алексеевич, Государственный Эрмитаж (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., gal7gas@yandex.ru.

Статья посвящена малоизвестной в отечественной историографии проблеме подданства Хивы конца XVII – начале XVIII в. Используя опубликованные и неопубликованные материалы, автор ставит вопрос о том, что предложение подданства исходило не от хивинского хана, а стало результатом инициативы главы приказа Казанского дворца.

История взаимоотношений России со среднеазиатскими государственными образованиями до сих пор представляет значительный интерес по причине малой изученности этой проблемы. В определенной степени это касается первой четверти XVIII в., времени, когда закладывалась серьезная база для последующего во второй половине XIX в. широкого освоения Россией региона Средней Азии. Период правления в России Петра Великого служит своеобразным водоразделом, разграничительной линией в истории взаимоотношений нашего государства со странами Средней Азии, поскольку именно начиная с него, последующие российские государи выстраивают отношения и ведут дипломатическую переписку с Хивинскими, Кокандскими и с Бухарским ханами, а позднее с эмирами с позиции превосходства, а не как с равными себе по статусу правителями, как это было в период XVII в. и ранее.

Вполне логичным будет объяснить подобное последствием масштабных преобразований, произведенными царем-реформатором, выраженное в становлении России как империи. При этом следует дополнить данное объяснение одним важным обстоятельством из истории российской политики в Средней Азии. Данное обстоятельство вполне достойно самостоятельного исследования, мы же в нашей работе постараемся в общих контурах его обозначить. Это проблема принятия Россией Хивинского подданства в самом начале XVIII в. Данная просьба российского подданства, изложенная хивинскими посланниками в Москве, впоследствии инициировала и печально известный поход князя Александра Черкасского и строительство первых крепостей на восточном побережье Каспия и дальнейший интерес российских правителей к ханствам Средней Азии и вышеуказанное отношение к ним, как к потенциальным вассалам. Проблема же заключается в том, была ли просьба о подданстве со стороны хивинских ханов на самом деле, а если и была, то какое значение закладывали в Средней Азии в данный термин и существовали ли значительные расхождения в понятиях подданства в России и в Хивинском ханстве?

Имеющиеся опубликованные источники, в том числе и материалы российских архивов, могут служить достаточной источниковой

базой для подобного исследования. Помимо них, в процессе нашей работы мы воспользовались материалами, хранящихся в фондах Российского Архива Древних Актов (134 и 109), в том числе и не введенными до настоящего времени в научный оборот. Это позволило познакомиться с оригиналами ханских и посольских грамот, сравнить имеющиеся переводы наиболее значимых документов и по-новому, более комплексно взглянуть на проблему взаимоотношений, набравшего в то время силу Российского государства с Бухарским ханством, а главное с Хивинским ханством и осветить вопросы, связанные с проблемой хивинского подданства.

К моменту воцарения Петра на российском престоле уже был накоплен достаточный опыт дипломатических контактов со среднеазиатскими государствами, с Хивой, с Бухарой и даже с Балхом.

В 1689 г. к Петру и царствующему вместе с ним Ивану V прибывает посол из Хивы, упоминаемый по документам как Абреим Ажизов. В ярлыке, который он предоставил, говорилось, что правитель Хивы Мухаммед Эренк хан желает «быти... в соседственной дружбе и любви по прежнему», что «изстари из древних лет по нынешнее время между блаженные памяти великими государями цари прадедами и отца вашего и ханами прадедов моих (хана Хивы – А.А.) дружба и любовь была исконно крепкая» [1, с. 256].

Абреим Ажизов, перед тем как получил аудиенцию у Петра и Ивана, был «на разговоре» с думным дьяком Емельяном Игнатьевичем Украинцевым, главой Посольского приказа. В ходе их беседы были обозначены основные пункты или, как тогда говорилось, статьи, которые приехали обсудить хивинцы. Помимо жалобы на яицких казаков, грабивших «хивинские юрты», и предложения «воевать калмыков Аюкина улусу», был озвучен, пожалуй, главный вопрос посольства – строительство города у «Трухменской пристани». По итогам переговоров хивинскому посланнику пришлось уехать и довольствоваться лишь обещанием, что о «городовом строении их Великих государей указ впредь будет» [1, с. 258]. По всей видимости, сомневаясь в перспективе дальнейшего развития контактов с Хивинским ханством, глава Посольского приказа прежде заботился о возвращении пленных, что и было обозначено в ответной грамоте Петра и Ивана Алексеевичей.

Спустя почти десять хивинский хан Исхак Ага Шах Нияз (Нияз Ишик ага Баши Катагхан), по ряду сведений племянник Бухарского хана, предпринимает попытку выйти из подданства своего дяди и сюзерена одновременно. В 1698 г. он посылает посольство в Россию,

сначала с ярлыком к ближнему боярину и судье Приказа Казанского Дворца князю Борису Алексеевичу Голицыну об установлении правильных торговых сношений и с просьбой оказать содействие в этом отношении своему послу Достек-бек-Бехадуру.

По прибытии посольства в Москву, оно было поселено не на территории Посольского приказа, а на постоялом дворе у Б.А. Голицына, главы Казанского приказа. Примечательно также то, что было приказано, еще до принятия посла, передать в Приказ Казанского дворца все «договора Хивинского, Юргенского и Шемахинского и иных тамошних земель владетелей»². Это несомненно означало, что статус хивинских правителей был пересмотрен, что и нашло впоследствии отражение в последующей дипломатической переписки с Хивой.

Нет ясности, по пунктам переговоров, которые вел Достек Бехадур с Борисом Алексеевичем Голицыном, до и после аудиенции у Петра I. Мы можем обратиться к опубликованным переводам следующих документов от Шах Нияза и его посланника:

- Ярлык ближнему боярину и судье Приказа Казанского Дворца князю Борису Алексеевичу Голицыну об установлении правильных торговых сношений между обеими странами и с просьбой оказать содействие в этом отношении послу Достеку Бехадуру датированное 1698 г.;

- Посольское письмо хивинского посла Достек Бехадур князю Борису Алексеевичу Голицыну с сообщением проекта договорных статей соглашения с Московским государством, выдвинутых хивинским ханом и с просьбой довести о них до сведения царя Петра Алексеевича, датированное 1700 г.

- Посольское письмо хивинского посла Достек Бехадур кн. Борису Алексеевичу Голицыну с сообщением проекта договорных статей соглашения с Московским государством, выдвинутых хивинским ханом и с просьбой довести о них до сведения царя Петра Алексеевича, датированное 1703 г.

Первый документ мы вынуждены обойти вниманием, поскольку там, кроме приветственных речей и просьбы принять Достека Бехадур и пожелания укрепить торговые связи, ничего принципиального нового по сравнению с предыдущими письмами от хивинцев не содержится. Вызывает вопрос лишь тот факт, что хивинский хан обращается не напрямую к государю российскому, а к главе приказа Казан-

² РГАДА. Ф. 134. Сношения России с Хивой. Оп. 1. 1700. Д. 1. Л. 1.

ского дворца. По всей видимости, это было обусловлено тем, что хан стремился улучшить положение своих купцов в Астрахани, а астраханские власти были подотчетны администрации в Казани. В целом, этот момент нуждается в дополнительном исследовании.

Во втором документе было обозначено шесть пунктов, по которым велись переговоры.

- Первым шел пункт, относительно прошения хана «быть в подданстве у великого государя»;

- Вторым значилось прошение: «з другом быть дружен, а с неприятелем бы неприятелем»;

- Третьим было прошение, чтобы «великий государь пожаловал указал с тех их купецких людей, которые станут приезжать из Хивы и из Бухар в Астарахань с товарами, взять с них вместо денег пошлины по щоту со всяких парчей, какие они привозят, з 20-ти парчей по 1-й парчи в казну великому государю;

- Четвертый пункт с просьбой разрешить провозить в Хиву запрещенные к продаже железо, свинец, «винтовальные пищали», в ответ хан разрешит привозить в Астрахань луки, шелк-сырец, лазурит, бадахшанские рубины и другие драгоценные камни.

- Пятый пункт – просьба о присылке в Бухару и Хиву посланца из России.

- И наконец шестой пункт с пожеланием, чтобы «всяким купецким и торговым людем для всяких товаров и торговых промыслов въ их землю, в Хиву и в Бухары, также и их купецким и торговым людем в свою государскую землю для торговых же промыслов со всякими товары ездить повольно» [1, с. 269].

Итак, здесь мы уже видим просьбу о подданстве и она обозначена в самом начале. С третьим документом, остается много неясного. Он был переведен и опубликован в 1932 г. В нем были обозначены уже только 3 пункта переговоров.

Для большей объективности обратимся к оригиналу письма, написанного, по всей видимости, одним из участников посольства и подписанному Достек Бехадуром. Письмо посла к Голицыну было написано на классическом персидском, при этом там содержатся заимствования из тюркских языков.

В письме с «устными речами» хана содержатся три темы, которые приехал обсудить посол. В данном случае, можно использовать термин «предмет» разговора, поскольку в оригинале посол его и использует³.

³ РГАДА Ф. 134. Оп. 3. 1700. Д. 4. Л. 1.

Итак, первой значилась просьба о присылке из Москвы посла. Второй пункт касался двухсторонних торговых сношений, причем здесь хивинский хан Шанияз, племянник бухарского правителя, старается улучшить положение не только хивинских, но и бухарских купцов. Дословно просили снижения пошлины с 1/10 до 1/20⁴.

Третьим был поднят давний вопрос относительно снятия запрета на провоз из России в государства Средней Азии огнестрельного оружия и сопутствующих товаров. Хивинский хан снял запрет на вывоз и провоз из Хивы в Россию запрещенных ранее товаров, теперь хивинцы ожидали подобных действий со стороны российского государства⁵. Данная проблема является третьей темой переговоров, далее никаких предложений посол не объявляет.

Таким образом, мы можем констатировать, что в послании от хивинского хана не содержалось никакой информации о подданстве Хивы. Более того, содержание текста явно демонстрирует, что хан, передавший устное послание, записанное позднее Достеком, обращается к Петру I как к равному, причем обсуждаются лишь вопросы экономического характера.

Для большей ясности вопроса с подданством Хивинского хана необходим официальный документ на персидском или тюрки, где содержалась бы данная просьба. В связи с тем, что тема подданства обозначается только в переводах посольских писем и что при обращении непосредственно к документам, составленным людьми Достека Бехадур, в частности к его письму к князю Борису Алексеевичу Голицыну, она не фигурирует, возникает предположение, что хивинский хан Шах Нияз российского подданства не испрашивал. По всей видимости, он лишь стремился улучшить положение бухарских и хивинских купцов в Астрахани и договориться о провозе ранее запрещенных товаров, что и являлось главной целью посольства Достека Бехадур, с которой справился частично.

Можно предположить, что положения посольского письма от 1703 г. полностью дублируют положения ранних посланий хана Хивы. На положения предыдущего послания Петр Алексеевич ответил следующим образом. В грамоте царя упоминается только положение о подданстве – «наше царское величество за то тебя Шанияса хана жалуем милостиво, похваляем и в подданстве у нас великого государя нашего царского величества быть тебе повелели ... С Достак-беком послано к тебе от нас великого государя нашего царского величества

⁴ Там же.

⁵ Там же.

жалованья 2 пары, да 2 сорока соболей добрых за нашею царского величества печатью» [1, с. 272].

С какой целью инициирован вопрос о подданстве Хивы и было ли это попыткой выдать желаемое за действительное сейчас ответить сложно из-за дефицита источников, прежде всего хивинского происхождения. Можно лишь констатировать, что проблема принятия шахом Ниязом подданства является дискуссионной. Во время визита следующего посла из Хивы Аширбека в 1714 г. в грамотах, которые были ему выданы, было озвучено, что Хива еще с приезда Достека Бехадура находится в подданстве России⁶. В дальнейшем, когда стало известно, что ставший правителем Хивы после Шаха Нияза Йадгар хан был убит в результате заговора узбекской знати, накануне возвращения Аширбека в Хиву, грамоты у посла в Астрахани отобрали, с целью переписать их на имя нового хана⁷. В новых документах, которые были отправлены с известной миссией Александра Бековича Черкасского к хану Шир Гази, о подданстве Хивы уже не упоминалось.

1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв.: материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Под ред. А.Н. Самойловича. Л, 1932.

⁶ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Л. 199.

⁷ Там же. Л. 201.